

— Да хоть отъ скуки. Вы думаете, съ женой-то не веселѣй? Еще какъ веселѣй-то! Повѣрьте мнѣ — сама замужемъ была. Бывало, закручинится эдакъ покойный Иванъ Федосеичъ, а я къ нему подсяду, обниму рукой за шейку. — «Что, молъ, Ванюшка, не веселъ, что головушку повѣсилъ!» Да какъ улыбнусь, да поведу вотъ эдакъ бровями — такъ куда и печаль дѣнется!

Анисья Петровна оживилась, въ старыхъ глазахъ мелькнулъ огонекъ молодости.

— Такъ вотъ и ваше дѣло.

Корневъ тихо смѣялся, поглядывая на хозяйку черезъ очки. Онъ вспомнилъ про свояченицу исправника и въ раздумѣ покачалъ головой.

— Право женитесь!

— На комъ же мнѣ жениться? Желалъ бы я знать, кто за меня пойдетъ! — возразилъ онъ, посмѣиваясь.

У Анисьи Петровны сильно забилося сердце.

— Кто пойдетъ? Изъ богатыхъ да образованныхъ, конечно, никто не пойдетъ: что у васъ есть? Одни штаны, съ позволенія сказать, да и тѣ худые!

Корневъ съ улыбкой посмотрѣлъ на продранныя колѣни и кивнулъ головой.

— А вы себѣ попроще поищите, небогатую, неученую... Онѣ, батюшка, лучше любить-то умѣютъ. Я вотъ за покойнымъ мужемъ тридцать лѣтъ жила, одинъ Богъ знаетъ, чего не переносила, а вѣрна ему была, другимъ на шею не вѣшалась, не то что наша исправница, къ примѣру.

Анисья Петровна остановилась и внимательно посмотрѣла на собесѣдника. Евгенийъ Александрычъ не менѣе внимательно рассматривалъ бутылку.

— Вотъ вы сказали, что жениться не на комъ, — заговорила Анисья Петровна робко, — а я знаю, на комъ вамъ надо жениться.

Корневъ удивленно посмотрѣлъ на нее. «Ужъ не играетъ ли она роль свахи?» мелькнуло у него въ головѣ.

— На комъ? Скажите — интересно!

— «Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его», — помолвилась мысленно Анисья Петровна и съ гнѣвомъ начала:

— Да вы слѣпой что-ли? Глаза-то у васъ есть иль нѣтъ, а? Вы не видите что-ли, по комъ Сашенька моя плачетъ, убивается? Эхъ, Евгенийъ Александрычъ, Евгенийъ Александрычъ! — покачала Анисья Петровна головой.

Кровь бросилась Корневу въ голову и залила яркой краской лицо.